

Е.И. Красильникова

ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ НОВОСИБИРСКА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (КОНЕЦ 1919 – НАЧАЛО 1941 Г.)

Статья посвящена истории старых кладбищ Новосибирска в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами. Автор уточняет их местонахождение и внешний облик, называет могилы наиболее интересных людей на этих кладбищах; характеризует отношение местных органов советской власти 1920–1930-х гг. к историческому некрополю города. Особое внимание уделено разрушению «почетного» дореволюционного кладбища – Воскресенского погоста. Определена специфика исторической судьбы новосибирского некрополя в межвоенное время.

Ключевые слова: некрополь; кладбище; коллективная память; политика памяти.

История Новосибирска (до 1926 г. Новониколаевск) насчитывает всего 120 лет. Однако уже в середине XX в. этот город стал крупным мегаполисом с населением более чем 1 млн человек. Особое географическое положение, а также высокие темпы экономического и демографического роста сформировали в Новосибирске своеобразную городскую среду. Особый интерес представляет история новосибирского некрополя, под которым мы понимаем сочетание захоронений (включая места, где уничтожены мемориальные памятники) и комплекса источников по истории формирования и существования кладбищ [1. С. 141]. Кладбища – это наиболее традиционные и актуальные для жителей провинциальных городов России памятные места; это «узловые» элементы городской среды, связанные с духовной жизнью населения. Они призваны фиксировать, хранить и транслировать коллективную память о значимых для сообщества персонах и событиях. Отдельные могилы неотделимы от локального и общенационального компонентов исторической памяти горожан, большинство же захоронений помогает закреплять и хранить коллективную память семей и других малых социальных групп.

На сегодняшний день опубликован ряд исследований, посвященных истории ныне существующих и уже «исчезнувших» кладбищ Новосибирска, а также мемориальному комплексу на братской могиле жертв Гражданской войны, который расположен в центре Новосибирска [2–5 и др.]. Однако, на наш взгляд, важно уделить более пристальное внимание истории новосибирского некрополя на этапе между Гражданской и Великой Отечественной войнами. Именно тогда было разрушено старейшее Воскресенское кладбище, а вместе с ним утрачена память о сотнях людей, многие из которых по праву могут считаться основателями Новосибирска. В указанный период страна пережила колоссальный духовный надлом, резко изменилось отношение власти и общества к старым кладбищам и иным памятным местам.

Автор статьи ставил перед собой ряд задач. Во-первых, выяснить, какие именно гражданские кладбища действовали в Новосибирске в конце 1919 – первой половине 1941 г. Во-вторых, определить, в какой мере на этом этапе сохранялись дореволюционные традиции устройства городских кладбищ, привносились

ли советской властью традиции, ею изобретенные. В-третьих, объяснить, как осуществлялось влияние на состояние новосибирского некрополя социально-экономических контекстов и политики памяти государства. В-четвертых, определить специфические характеристики исторической судьбы новосибирского некрополя на фоне судеб некрополей других городов Западной Сибири 20–30-х гг. XX в.

В межвоенные годы в Новосибирске функционировало три кладбища. Первое и старейшее из них – Воскресенское – было открыто на кабинетских землях в 1896 г. по просьбе жителей Новониколаевского поселка (статус безуездного города этот населенный пункт получил только в 1903 г.). К середине указанного 1896 г. в Новониколаевском поселке уже проживало более 8 тыс. человек, потребность в наличии кладбища стояла остро, поскольку новониколаевцы были вынуждены пользоваться погостами окрестных деревень [6. Л. 2]. Первое кладбище города со временем стали называть «Старое городское». В 1907 г. согласно православной традиции построили и освятили кладбищенскую Воскресенскую церковь [7. С. 33]. По названию церкви с этой поры именовали и погост. К середине первого десятилетия XX в. в прессе и на уровне городского самоуправления стал обсуждаться вопрос о закрытии Старого кладбища [8, 9 и др.]. К этому времени по причине активной застройки территории, выделенной Новониколаевску, Воскресенское кладбище оказалось практически в центре. На соседних улицах строили кирпичные особняки местные богачи, не желавшие соседства их усадеб с кладбищенской ледянкой, наполненной мухами. Соседство с кладбищем местные жители считали неблагоприятным с санитарной и эстетической точек зрения. Полиция указывала на то, что кладбище является местом сходов преступников. После продолжительных дебатов кладбище частично закрыли, сохранив небольшой погост возле церкви для погребения усопших священнослужителей и состоятельных людей, заранее «выкупивших места на кладбище». Этот погост был окончательно ликвидирован приблизительно в 1924 г.

В 1911 г. официально открылись два новых кладбища, находившихся за пределами городской черты. Одно, располагавшееся по Каменной дороге за Граничной

улицей, получило название «Новое городское» (известно как «Успенское»). Его планировали открыть в 1906 г. Уже в 1907 г. здесь неофициально появился небольшой могильник, который стали называть «Старое русское кладбище». Второе кладбище открыли на окраине Закаменской части города, на меже надела крестьян деревни Усть-Ини [4. С. 352]. По местоположению его назвали «Закаменское». Воскресенский погост в канун военно-революционных потрясений, несомненно, являлся элитной частью новониколаевского некрополя. Видимо, близ Воскресенской церкви были упокоены останки местных дворян (Абариновы [10. Л. 286 об.; 11. Л. 347; 415 об. и др.], Байковы [11. Л. 281; 12. Л. 112 об. и др.], Е.П. Вержбицкая [13. Л. 417 об.], А.И. Жалиховский [14. Л. 227 об.], И.Н. Самойлов [15. Л. 208 об.], В.С. Соколовская [15. Л. 250], В.А. Чуфаровский [15. Л. 239] и др.), почетных граждан и их детей (А.П. Виноградова [11. Л. 283 об.], Б.В. Гаврилов [11. Л. 251 об.], А.А. Добронравов [15. Л. 208 об.], известная благотворительной деятельностью Е.И. Жернакова [16. Л. 343 об.], А.А. Луканина [15. Л. 267 об.] и др.), купцов (Ф.И. Машинский [17. Л. 301 об.], А.Ф. Смирнов [11. Л. 344.], А.И. Суриков [15. Л. 293 об.]; К.А. Туркин [11. Л. 236 об.] и др.), духовных лиц (заштатный псаломщик П.П. Смолин [18. Л. 157], священник Александро-Невского собора В.И. Флоринский [19. Л. 126 об.] и др.). Однако в первые два десятилетия существования города здесь были также погребены останки многочисленных крестьян и мещан – выходцев чуть ли не из всех губерний Российской империи. Это объясняется тем, что в Новониколаевске не было коренного населения, его «первожителями» становились строители моста через Обь, железнодорожные рабочие, мелкие предприниматели, рассчитывавшие на хорошие заработки в быстро развивавшемся городе – транспортном узле, крестьяне-переселенцы, многочисленные криминальные элементы и др.

Новое городское кладбище, которое также быстро заполнялось, в первое десятилетие XX в. изначально использовали преимущественно люди «низкого» социального происхождения, однако и здесь появлялись могилы дворян (П.В. Вельможин [20. Л. 147 об.], Е.Я. Пучеглазов [21. Л. 148 об.; 22], М.П. Русанов [19. Л. 128 об.] и др.) и купеческие могилы (И.Т. Суриков [20. Л. 164], А.Н. Удадова [20. Л. 130 об.], А.П. Корнилова [20. Л. 153 об.] и др.). Также имелись захоронения людей, внесших вклад в социальное развитие Новониколаевска (например, первые городские врачи В.Ф. Сосунов [20. Л. 155] и В.И. Масман [20. Л. 168]). С началом Первой мировой войны Новое кладбище стало также местом погребения воинов, умерших от ран в лазаретах Новониколаевска, и беженцев из западных губерний Российской империи, попавших в зону боевых действий. Закаменское кладбище, расположенное на окраине беднейшей части города, использовалось преимущественно малообеспеченным местным населением – вчерашними крестьянами, чернорабочими, грузчиками, мелкими кустарями. Здесь также имелось немало захоронений мещан, перебравшихся в Новониколаевск из Кольвани.

Контингент лиц, нашедших упокоение на этом кладбище в 20–30-х гг. XX в., изменился не существенно.

В 1908 г. городская управа Новониколаевска выделила также участок под Магометанское (Татарское, или Узбекское) кладбище близ Татарской слободы (место современной ул. Татарской и Татарского спуска) [2. С. 175]. Мы не располагаем данными о дореволюционных магометанских погребениях, однако, вероятно, контингент захороненных здесь людей не особенно отличался от контингента 1920-х гг.: чернорабочие, мелкие торговцы, домашние хозяйки.

В период Гражданской войны новониколаевские кладбища существенно выросли: они заполнялись могилами многочисленных беженцев, красноармейцев и белогвардейцев, а осенью–зимой 1920 г. – захоронениями бесчисленных жертв эпидемии тифа, выкосившей половину населения города. В результате на улицах города, в санитарных вагонах на вокзале, в помещениях, переоборудованных под «ледянки», и на территории кладбищ оказались брошенными десятки тысяч погибших, из которых лишь часть была опознана [23. С. 103–107]. Созданной в городе после отступления армии А.В. Колчака Чрезвычайной комиссией по борьбе с тифом стоило неимоверных усилий «очистить» Новониколаевск от трупов, которые кремировались в наспех оборудованных печей на бывшем кирпичном заводе и предавались земле на кладбищах города в братских могилах [2. С. 103–104]. Несомненно, 1919–1921 гг. стали временем острейшего кризиса культуры погребения и памяти как в Новониколаевске, так и во всей Сибири. Видимо, пошатнулось традиционное восприятие самого кладбища как святого места. Теперь оно ассоциировалось с «кучами» трупов, тифозной заразой и гуманитарной катастрофой, в которой вынуждены были выживать любой ценой десятки тысяч человек.

Помимо Старого, Нового, Закаменского и Магометанского кладбищ метрические книги и книги записей актов гражданских состояний, относящиеся к началу 1920-х гг., фиксируют названия кладбищ, которые трудно идентифицировать. В их числе Гарнизонное, Дальнее и Братское. Возможно, под «Гарнизонным» подразумевается участок, отведенный под воинские захоронения на Закаменском или Новом городском кладбище. Вероятно и то, что на территории военного городка в условиях тифозного мора возникло еще одно отдельное кладбище. Под Братским кладбищем может подразумеваться участок, отведенный под братские могилы. Что такое «Дальнее» кладбище, ответить вообще очень сложно. Возможно, подразумевается Старое кладбище. Упоминается в документах и «Солдатское» кладбище. Возможно, это то же самое, что и Гарнизонное кладбище, а может быть, речь идет о воинских кварталах на одном из кладбищ Новониколаевска. Стоит уточнить и то, что Новое городское кладбище в эти годы иногда именовали «Ипподромское» (по названию района его расположения), а иногда – «Центральное». В 1930-е гг. появилось еще одно название – «Молоковское» (от прилегавшей к кладбищу улицы Молоковской, названной в

честь героя Советского Союза летчика В.С. Молокова, посетившего Новосибирск в 1935 г. [24]). Между улицами Вагановской и Ломоносова сохранялось и увеличившееся Магометанское кладбище, территория которого доходила до Вагановского разлива (оврага).

В период хозяйственной разрухи едва ли можно говорить о попытках наведения порядка на кладбищах, пришедших в глубокое запустение. По понятным социально-политическим причинам многие могилы оказались брошенными, территория гражданских кладбищ никем не облагораживалась. В 1920 г. деревья Старого кладбища вырубались по причине острого дровяного кризиса. Работы, нацеленные на благоустройство, начались лишь с 1924 г. Новое и Закаменское кладбища вновь огораживались, с их территории удалялись засохшие деревья, прокладывались центральные аллеи [25. Л. 6]. В соответствии с дореволюционной традицией сохранялись признаки деления кладбищ на кварталы по конфессиональному признаку. Старое кладбище состояло из Православного, Католического, Протестантского (Лютеранского), Иудейского (Еврейского) и Магометанского. Здесь же существовало и небольшое Холерное кладбище (кварталы № 140, 142, 152, 153). План города Новониколаевска 1923 г. также отражает и зонирование Нового кладбища, в состав которого входили: «Старое русское кладбище 1907 г.», участки Холерного, Еврейского, Католического (Польского), Магометанского, Лютеранского, Старообрядческого, Баптистского (Евангелического) кладбищ, располагавшихся на правой стороне. По левой стороне размещалось Военное кладбище, братские могилы и шесть больших кварталов Православного кладбища [26. Л. 3]. Закаменское кладбище в период разрухи утратило свою упорядоченность и требовало уточнения плана, а также очистки. Несомненно, на его удручающем состоянии сказалась близость переполненного незахороненными трупами Военного городка, который находился в нескольких минутах ходьбы, соответственно, именно на Закаменское кладбище удобнее всего было доставлять подводы с мертвецами во время тифозной эпидемии. В 1923 г. здесь вновь четко обозначили места под Православное, Лютеранское, Еврейское, Католическое, Военное кладбище, оставили в плане и резервные земли. Как и до революции, территория кладбищ ранжировалась «по разрядам», или «поясам». Согласно таксе 1927 г. лучшие места на Новом кладбище, относившиеся к первому поясу (ближе к церкви), стоили 5 руб., худшие места в шестом поясе выделялись бесплатно [27. Л. 1, 12, 12 об.].

Также, следуя традиции, уже в 1925 г. на территории Нового кладбища построили и освятили православный храм в память Успения пресвятой Богородицы. В ограде этой церкви, по традиции, сформировался небольшой погост, где упокоились священнослужители, многие из которых стали жертвами гонений на церковь уже в 1930-х гг. [27. С. 57].

В межвоенные годы на гражданских кладбищах оставалось еще много дореволюционных надгробий, оформленных в соответствии с религиозными тради-

циями. Поскольку интересующие нас кладбища Новосибирска к настоящему времени уничтожены, практически утрачены и все надгробия первой трети XX в. Однако в настоящее время жители города еще изредка отыскивают надгробия на месте уничтоженного кладбища. Некоторые из них были перенесены на открытое в годы Великой Отечественной войны Заельцовское кладбище. Тщательно обследовав его территорию, мы отыскивали старинные надгробные памятники на могилах Марии Петровны Сабуровой (умерла в 1921 г.) и Агафьи Стахеевны Сабуровой (умерла в 1922 г.). Оба надгробия оформлены в виде величественных каменных крестов, украшенных резными цветами и листьями. В соответствии с дореволюционной традицией на надгробиях высечены не только имена усопших, даты их кончины, но также указан их возраст, место рождения (Уфимская губерния), а также сокращенный текст Трисвятого («Стый Бже, Стый безсмертный, помилуй нас»). На Заельцовское кладбище переносили прах и других людей (инженера М.Н. Тихомирова, профессора А.И. Прибыткова и др.), усопших до Великой Отечественной войны, но очевидно, что надгробия над их новыми могилами также обновлялись. Лишь памятный знак на могиле Митрополита новосибирского Никифора (в миру Н.П. Асташевский) сохраняет старинные очертания небольшой часовни, увенчанной крестом).

Очевидно, что существовали и менее искусно выполненные надгробия в форме крестов и могильных плит, которые в 1920-е гг. тесали кустари. Одно из таких надгробий чудом уцелело на месте уничтоженного в 1960-х гг. Закаменского кладбища. Не очень ровная плита прямоугольной формы с изображением православного креста и сегодня сообщает о том, что под ней покоятся дети – братья Таракановы, скончавшиеся в 1918 г. В 1930-х гг. после окончательного запрета на предпринимательскую деятельность изготовлением надгробных памятников занималась организация «Камнетрест» [28. С. 404]. Его рекламное объявление содержало изображение примера памятника – столбика, выполненного в традициях классицизма. Еще с 1920-х гг. в Новосибирске, как и во всей стране, нововведением мемориальной культуры советского времени стали могильные памятники в виде пирамидок, увенчанных пятиконечными звездами. Эта форма надгробия, символически противостоявшая христианскому пониманию смерти, была связана с художественными традициями классицизма революционной Франции и гражданским отношением к погребальной атрибутике. Мемориальные традиции классицизма оказались востребованными, поскольку классическая эстетика в некоторых отношениях отвечала официальному советскому пониманию смерти и памяти об усопших: акцентировала внимание на гражданских добродетелях покойных, бесстрашном отношении достойных людей к смерти, вводила в тень скорбь семьи и высвечивала общественную скорбь, обезличивая ее [29. С. 8–10].

Старожил нашего города Г.Д. Ким так описала по памяти Успенское кладбище второй половины 1930-х гг.: «Успенское кладбище. Это – Березовая роща

(сейчас парк). И там – маленькая церквуха. У меня умерла в сороковом году сестренка двухлетняя, и я была там на похоронах... И в моей памяти – кресты. То есть тогда не ставили каких-то дорогих, больших памятников, все кресты, кресты, кресты. Деревянные кресты все у меня в голове» [30. С. 130].

Образ Успенского кладбища, сохраненного в памяти другой жительницы нашего города, Е.А. Ивановой, похож на тот, что сложился в памяти Г.Д. Ким: «Кладбище не было ухоженным, таких каких-то памятников, как сейчас, гранитных, не было, обыкновенные кресты стояли. А в то время кресты-то знаешь как еще и преследовались... Звездочки. Но, кладбище-то старое было, большое, всякие были памятники. Потом там, где сейчас троллейбусный парк, была барахолка, памятники уже все убрали, но могилы-то были, так по могилам на барахолку и ходили. Вот и мамину могилу сначала обходили, потом затоптали уголок, потом еще уголок, так и втоптали...» [Там же. С. 131]. Этой рассказчице запомнились и необычные, оригинальные надгробия на могилах летчиков-испытателей: «Рядом с маминой могилкой два летчика были похоронены. Я была маленькая, но помню: два таких деревянных постаментика и пропеллеры, сделанные из дерева что ли? И это был для нас ориентир» [30. С. 131].

То, что приметные могилы служили ориентиром, свидетельствует об отсутствии четкой пространственной организации кладбища, о плохой «читаемости» его среды. Хотя могилы близких были жителям города «родными», кладбище в целом отпугивало. Судя по рассказам, Успенское кладбище в соответствии с народной традицией воспринималось как «страшное» место. Кроме того, источники фиксируют реальную небезопасность городских кладбищ той поры: вечерами там собирались хулиганы, случалось даже, что на кладбищах находили убитых. Особенно много газеты сообщали о беспорядках, царивших на Магометанском (Татарском) кладбище. Там в январе 1926 г. был найден труп Марии Кузнецовой, которую убил и мертвую бросил среди могил бывший сожитель – рецидивист Павел Моисеев [31]. Также пресса сообщала, что «окрестность Татарского кладбища – это самое жуткое место для прохожих, особенно ночью», поскольку там орудовали вечно пьяные хулиганы, с ножами нападавшие на шедших мимо людей [32]. Обыватели, жившие по соседству, похоже, привыкли к виду кладбища, но предостерегали детей от присутствия на нем или около него в вечернее время [30. С. 131].

Несомненный интерес представляют отдельные захоронения Нового кладбища. В 1920–1922 гг. здесь упокоились некоторые из числа бывших новониколаевских дворян, очевидно, не имевших возможности уехать за границу (к примеру, А.П. Абаринов, живший на ул. Ядринцевской и работавший плотником [33. Л. 10]). В этот период появилось немало могил представителей интеллигенции: учителя С.Г. Мартышкина [34. Л. 20], бывшего директора реального училища Г. Бутовича [35. Л. 43], бывшего преподавателя гимназии города

Ишима А. Романова [35. Л. 188], врача Г. Гудкова из Уфы [Там же. Л. 77], саратовского музыканта И. Родионова [Там же. Л. 53] и др., а также студентов – беженцев с Волги и Урала, видимо, поддерживавших режим А.В. Колчака: М. Попова [Там же. Л. 74], Н. Спасского [Там же. Л. 11] и др. В газетах 20-х гг. нередко сообщалось о смерти и предстоящем погребении революционеров и деятелей большевистского подполья. Обратим внимание на наиболее интересные примеры. В 1925 г. на Новом городском кладбище были захоронены останки артиста драмы, революционера и героя труда Г.А. Соколова [37], а также молодой сотрудницы издания «Советская Сибирь» Алевтины Ковальчук [38] – дочери знаменитой новониколаевской подпольщицы Е.Б. Ковальчук, которая в 1919 г. покончила с собой в тюрьме, не вынеся пыток колчаковской контрразведки, и тайно была похоронена товарищами в неустановленном месте [39. Л. 2].

Заметно, что с середины 1930-х гг. региональное газетное издание «Советская Сибирь» начало публиковать значительное количество похоронных объявлений. В эти годы партийные органы и государственные учреждения устраивали пышное прощание с умершими коммунистами, революционерами, чекистами, ударниками производства, директорами предприятий. Такие похороны сопровождалась политизированными панихидами и служили средством морального поощрения активных «строителей социализма», которым гарантировались почетные проводы в последний путь и «вечная память». В числе тех новосибирцев, кому оказывались особые посмертные почести, можно назвать «активного работника по чистке партии», члена партии с 1906 г. Д.П. Васильченко (скончался в 1935 г.) [40]; «старейшего» сурдопедагога, заведующего школой для глухонемых детей А.Д. Огурцову (умерла в 1935 г.) [41]; революционерку, военного фельдшера, участвовавшую в походе против Колчака, а также члена краевого суда А.П. Яркину (умерла в 1935 г.) [42, 43]; профессора НИИВИТА А.И. Прибыткова (скончался в 1935 г.) [44]; молодую артистку колхозно-совхозного театра А.И. Тюрину-Авдееву (умерла в 1936 г.) [45]; летчика гражданской авиации В.Ф. Галата (скончался в 1938 г.) [46]; «старейшего» физкультурника, директора стадиона «Спартак» В.Н. Михайлова (умер 1941 г.) [47].

Знаковым событием в истории новосибирского некрополя стало окончательное закрытие и уничтожение Воскресенского погоста. Еще в июле 1923 г. горсовет принял решение о создании на его месте сада [48]. Однако на плане Новониколаевска 1924 г. Воскресенское кладбище все еще было обозначено. Возможно, план содержал несколько устаревшие данные. Понятно, что уничтожение кладбища производилось в несколько этапов, не за один год. В документах новониколаевского горкомхоза, датированных 10 мая 1925 г., используется выражение «Бывшее Старое кладбище» [49. Л. 26]. Наиболее запомнившимся сюжетом, связанным с разрушением старейшего некрополя Новониколаевска, стал комсомольский воскресник, состоявшийся поздней

весной 1924 г. На это время указывают свидетельства очевидца событий И.М. Лаврова. Он подчеркивал, что достопамятный воскресник состоялся в период буйного цветения яблонь и черемух (в климатических условиях Новосибирска и его округа это обычно происходит в конце мая – начале июня). Жители города были заранее предупреждены о предстоящем уничтожении кладбища. Желавшие перезахоранивали своих родственников: могилы раскапывали, укладывали скелеты в новые гробы, батюшка отпевал останки, гробы заколачивали и увозили на новые кладбища [50]. Перезахоронения длились не один год. Известно, что в этом деле активно принимали участие некоторые общественные организации. К примеру, уже в 1925 г. иудеи Новониколаевска создали так называемое «Еврейское погребальное братство», которое предлагало всем «гражданам еврейской национальности» содействие в организации перезахоронений, сообщая с помощью газеты о наличии у организации соответствующих разрешений от местных органов власти [51].

В своих воспоминаниях актриса З.Ф. Булгакова отмечала: немногие придерживались того мнения, что «заботиться нужно о душе, а не о костях, потому что кости – это прах и тленье, и им все равно, где лежать». Наоборот, рассуждали так: «Как это по нашим покойникам кто-то будет ходить, как это тут будут смеяться и песни петь?» [50. С. 53]. Такая позиция соответствует православному отношению к человеческим останкам. Протоиерей Г. Дьяченко объясняет значение погребения следующим образом: «Нашему бренному телу суждено сначала умереть и истлеть, а потом опять воскреснуть. Места, где погребаются усопшие, суть нивы, в которых рукою смерти сеются наши тела, как семена. Земля – мать наша – есть хранилище, где среди тления сохраняется наше нетленное» [52. С. 563].

Человек, по христианским убеждениям, был сотворен из праха, во прах (в землю) он должен быть возвращен и после смерти, откуда будет взят Богом в «будущем веке» и оживотворен. Пока же не настало это время, усопший должен покоиться в земле, «как путник после долговременного странствия». Погребение в землю считается Божьей заповедью, данной Адаму после грехопадения, а могила – святым местом поминовения усопшего и моления за его душу [46. 53. С. 22]. Уход за могилами близких и прародителей, а также поминальное моление о них мыслятся христианами как священный долг; эти духовные практики не сочетаются с настроением мирского праздного отдыха.

Разумеется, с чувствами верующих разрушители кладбища не считались. Для актера и писателя И.М. Лаврова, который родился и рос в Новониколаевске, воскресник, посвященный «разгрому» кладбища, запал в душу ярчайшим детским воспоминанием. Много лет спустя он описал свои чувства, возникшие от увиденного: «Мне стало нехорошо. Я так чувствовал себя, когда видел вещий сон перед отцовским дебошем» [54. С. 122]. Мальчик стал свидетелем того, как «весной комсомольцы решили переделать кладбище в парк».

Распевая во все горло «Смело мы пойдем за власть Советов!», ребята, вооруженные лопатами, пришли на место старого погоста. Воскресенская церковь уже пострадала от их вторжения, крест был свернут. Стоял солнечный майский день, «среди шумящих на ветру берез залягало железо, затрещало дерево, выворачивали кресты, памятники, оградки стаскивали их в кучу» [54. С. 121]. Молодые люди, должно быть, чувствовали себя исполнителями «великой миссии» очищения советской земли от «смрада» дореволюционного старья. Молодежь не осознавала важности некрополя для семейной памяти и не признавала его духовного значения. Другой старожил Новосибирска А.С. Тростонецкий так рассказывал о воскреснике по сносу кладбища: «Рабочие сворачивают с могил памятники и надгробия, а оркестр наяривает “Марш энтузиастов”, заглушаемый криками “Антихристы!” и проклятиями пожилых людей» [55. С. 38]. Кладбище сносили именно под «Марш энтузиастов», который часто звучал во время субботников и на соцстройках.

Пожилые люди, собравшиеся на кладбище, пытались предотвратить разорение погоста. И.М. Лавров воспроизводит в своих воспоминаниях словесную перепалку между защитниками кладбища и его погромщиками. Противники разрушения кладбища зывали к совести, напоминали о божьей каре за разрушение святого места, называли комсомольцев «дикарями», забывшими о том, что в земле погоста лежат их «деды, которые возводили этот город». Участник воскресника отвечали, что «было объявлено: „Кто хочет перенести родных на новое кладбище – переносите”, люди переносили, а здесь остались безнадзорные могилы». Формулировка «безнадзорные могилы», по словам И.М. Лаврова, вызвала новую вспышку раздражения у «стариков», которые, как и ребята, перешли от разумных аргументов к взаимным оскорблениям [54. С. 123]. Такой «диалог» был возможен только в первой половине 1920-х гг., когда постановления горсовета еще не являлись для сибиряков необсуждаемыми и бесспорными, а советская власть с ее культурной политикой далеко не у всех вызывала согласие. В это время антирелигиозная пропаганда лишь постепенно набирала обороты, горожане еще не боялись защищать свою веру открыто, а диспуты между православными прихожанами Вокзальной (Пророко-Даниловской церкви) и обновленцами, если верить газетам, переходили в драки [56]. Уже на рубеже 1920–1930-х гг. с подобной «демократией» было покончено. Когда в 1931 г. уничтожался исторический некрополь соседнего города Барнаула, верующие не смели перечить местным властям, созерцая крушения храмов и надгробных памятников молча, с тихой молитвой [57. С. 111].

Люди, вышедшие защищать старое кладбище от комсомольцев, не смогли остановить ораву «строителей нового мира». Ребята, испытавшие на себе мощный заряд советской пропаганды, воспринимали аргументы в пользу сохранения могил как антисоветскую пропаганду. Безусловно, с идеологической позиции места старому кладбищу в центре города не было. Уже в нача-

ле 1920-х гг. дореволюционное духовное наследие выставлялось как «отжившее», недостойное сохранения. Власть намеренно использовала в деле уничтожения «вредной памяти» молодежь, которая являлась сильной физически, но еще имела слишком бедный опыт духовной жизни. Еще Т.В. Адорно было отмечено: «Люди с характером, завязанном на авторитете, идентифицируют себя с реальной властью как таковой, независимо от ее конкретного содержания. Они, в сущности, располагают лишь слабым „я” и поэтому в качестве эрзаца нуждаются в идентификации с большим коллективом» [58. С. 71]. Эта характеристика подходит и для толпы новониколаевских подростков. По словам И.М. Лаврова, разрушителей лишь раззадорили крики защитников некрополя: «Мелькали лопаты, сравнивая холмики, громко звучали топоры и пилы, с треском и шумом валялись березы – прорубали аллеи...» [54. С. 123]. Однако важно отметить, что некрополь крушили не только дети, судя по воспоминаниям, на воскресник пришли и рабочие, готовые исполнить постановление горсовета [55. С. 38]. Едва ли без их участия комсомольцы чувствовали себя так уверенно.

Старое кладбище быстро исчезло, но все-таки едва ли корректно было считать его в полном смысле «старым». Известно, что некоторые захоронения появились здесь уже после Гражданской войны. Так, в апреле 1920 г. здесь было предано земле тело служащего И.Ф. Колчина [35. Л. 391]. В середине декабря того же года на Старом городском кладбище похоронили полуторагового мальчика Сашу Завьялова [59. Л. 67]. Видимо, родные этих усопших все еще пытались формировать семейные некрополи. Но не только семейная память и религиозные чувства являлись причинами несогласия новониколаевцев с решением разбить на месте погоста парк. Это кладбище было одним из немногих в городе, связанных с локальным компонентом исторической памяти жителей Новониколаевска. Именно поэтому, вплоть до уничтожения, оно привлекало внимание местных краеведов. Источники отрывочно свидетельствуют о том, что при бюро краеведения, размещавшемся в здании Государственного западносибирского краевого краеведческого музея, существовало некое общество некрополистов, названное в последующие годы презрительно «Обществом изучения купеческих могил». Дореволюционные краеведческие традиции, к которым можно отнести и увлечение образованных людей некрополистикой, находили в начале 1920-е гг. сторонников и продолжателей в сибирских городах. Но уже к концу 1920-х гг. деятельность новониколаевского общества некрополистов была осуждена как «реакционная», а их наработки не стали хранить [60. Л. 21].

Разрушение Воскресенского погоста в Новониколаевске стало первым шагом к уничтожению всего исторического некрополя городов Западной Сибири. От рук вандалов в первую очередь пострадало именно это памятное место по нескольким причинам.

Во-первых, столица региона реагировала быстрее на новые тенденции политики памяти государства, задавая

общий тон реализации этой политики. В полемике отечественных архитекторов и градостроителей первой половины 1920-х гг. образ кладбища нередко использовался сторонниками радикального обновления облика советских городов, чтобы подчеркнуть необходимость изживания старой эстетики и традиций. К примеру, на страницах журнала «Коммунальное хозяйство» была опубликована дискуссия между академиком А.В. Щусевым и его оппонентами. Щусев просил у Московского городского совета сохранить церковь Евпла на Мясницкой улице, объясняя свою позицию следующими доводами: «Москва – один из красивейших мировых центров, обязана она этим преимущественно своей стариной. Отнимите у Москвы старину, и она делается одним из безобразных русских городов». Некто Н. Попов возразил академику: «Мясницкой не нужны ни церкви, ни больницы... Москва – не *кладбище* былой цивилизации, а колыбель нарастающей, новой пролетарской культуры, основанной на труде и знании» [61. С. 47]. Разумеется, в дискуссиях между сторонниками и противниками сохранения памятников прошлых эпох обычно побеждали вторые.

Во-вторых, Воскресенское кладбище было фактически закрыто еще до революции, а все еще официально действовавший погост («почетное» кладбище) не мог ни раздражать местные советские органы власти социальным составом контингента лиц, здесь погребенных. Тут практически не существовало могил, которые большевики могли бы причислить к героическому военно-революционному некрополю. Уничтожая Воскресенский погост, большевистски настроенные новониколаевцы продолжали «бить буржуев и попов». Разрушение некрополя классовых врагов было логичным продолжением революционной борьбы, в которую включалась и молодежь для ее политической социализации. Если поколение родителей воевало с еще живыми классовыми врагами, то поколению детей была дана также важная задача уничтожения памяти о врагах. По форме бой, в который вступили комсомольцы, был скорее безопасной для их жизни игрой, но «играючи» ребята фактически лишали врага возможности оправдания в будущем. Уместно вспомнить христианское сравнение могилы с посеянным семенем, которое, когда придет время, прорастет вечной жизнью. Большевики не признавали этой религиозной мистики, но с их материалистической позиции вражеские могилы воспринимались как опасные семена «сорняков» памяти. Даже те «враги», которые скончались задолго до революции, в результате этого погрома символически пополняли число побежденных, возвеличивая героизм большевиков в их собственных глазах. Важно, что разрушителям некрополя пришлось «бороться» не только с могильными крестами и плитами. У них были также реальные, живые оппоненты, которые устроили много шума, но фактически не смогли оказать сопротивления. Для участников события это должно было означать еще одну революционную победу.

Стоит отметить и то, что закон был на стороне разрушителей Старого кладбища. Современное законода-

тельство Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за надругательство над местами людских захоронений (ст. 244 УК РФ). Уголовный кодекс, действовавший в СССР 1920–1930-х гг., не относил подобные деяния к числу преступных. Современные юристы считают подобные деяния преступлениями против общественной нравственности и подчеркивают важность общественного контроля над проявлениями вандализма [62. С. 91]. Однако защитники старого новониколаевского кладбища попросту не могли воззвать молодежь к законопорядку, поскольку советская власть этих лет фактически поддерживала вандалов.

Принципиально важно то, как использовалась территория разрушенного Воскресенского кладбища в последующие годы. Обследование коммунальщиками закрытого погоста весной 1925 г. показало наличие на его территории большого количества сокрушенных крестов, разбитых памятников и оградок. Отмечалось, что для преобразования этого места в сад требуются колоссальные усилия. Помимо удаления обломков памятников, требовалось провести озеленительные работы, поскольку местами существовали густые заросли, местами деревья засохли либо зеленые насаждения вовсе отсутствовали [49. Л. 26–26 об]. 1925 г. считается временем основания Кладбищенского сада, предназначенного для целей досуга.

Устройство городских садов как мест традиционных народных гуляний и развлечений началось в Сибири еще в середине XIX в. Первым и особенно заметным в культурной жизни региона был роскошный сад с озерами и островами, созданный томским золотопромышленником Ф.А. Гороховым. Сад был украшен фонтанами, скульптурами и ажурными беседками. Он вошел в историю как образчик невиданной до сих пор в Томске роскоши и одновременно пошлости. В саду гремела музыка, полыхали фейерверки, хозяин сада устраивал для своих гостей дорогостоящие званые обеды, где лилось рекой шампанское и подавались изысканные блюда. Этот сад был ориентирован, прежде всего, на состоятельных томичей, которых Горохов стремился убедить участвовать в его финансовых махинациях, демонстрируя неслыханное богатство и непревзойденную успешность предпринимателя [63. С. 9–12; 64. С. 170–171]. Гороховский сад остался бесподобным. В советское время его показную роскошь не могли не критиковать, но память об этом саде осталась актуальной, о чем свидетельствует хотя бы следующий факт: этому саду посвящалась одна из открытых лекций, читавшихся в краеведческом музее Томска [65. Л. 31].

Создание садов на месте старых погостов не правильно считать исключительно советской «традицией». К примеру, в конце XIX в. в Омске был разбит Санниковский сад на месте старинного Кадышевского кладбища. Уже в 30-х гг. XX в. сад реконструировали и переименовали в честь В.В. Куйбышева [66. С. 19]. Не стоит идеализировать и отношение жителей сибирских городов XIX в. к некрополю. Советские археологи и строители неоднократно обнаруживали остатки старинных

кладбищ в неожиданных местах. Территории этих погостов были попросту затоптаны или застроены, память о них практически стерлась. Православная церковь неоднократно сетовала на безразличие местных жителей к святым местам – погостам, где никогда не доставало порядка [67 и др.].

В молодом городе начала XX в. Новониколаевские первые сады были основаны на прежде необжитых и нетронутых территориях. В их числе общественный сад развлечений Александровский (более известный в народе как «Сосновка») и частный сад Альгамбра (был назван по аналогии с одним из московских садов). Гуляния в садах в выходные и праздничные дни были ориентированы на легкий отдых. Здесь устраивались танцы, выступали артисты, продавались напитки и снедь. С 1909 г. в Альгамбре работал театр «Яр», а в Александровском имелось театральное помещение для выступлений гастролирующих трупп. Дореволюционный российский городской сад, как и сад европейский, был местом неформального общения, организованного и относительно безопасного времяпровождения, а также «необходимым оазисом в молохе больших городов» [68. С. 41]. Кроме того, в начале XX в. с распространением массовой культуры городские сады, открытые по всей стране с конца апреля по сентябрь, оказывались «чуть ли не основными площадками, где получали постоянную прописку легкие жанры» музыкального и театрального искусства, столь доступные для массового восприятия [69. С. 87]. В саду на месте Старого кладбища во второй половине 1920-х гг. выступали куплетисты, факиры, «летающие женщины» и другие балаганные артисты с заурядным, исключительно развлекательным репертуаром [Там же]. Одновременно с Кладбищенским садом в городе существовал также сад с рестораном «Юпитер», посетителями которого являлись преимущественно нэпманы, кутившие здесь до поздней ночи [23. С. 76].

В годы Гражданской войны городские сады становятся не только местом развлечений, но и одной из площадок, необходимых власти для установления коммуникации с местным сообществом через пропаганду. Так, в саду «Сосновка» проходил публичный судебный процесс над бароном Унгерном. Сад отныне рассматривался как удобное место для политических консультаций, дебатов и народного просвещения.

Кладбищенский сад, переименованный скоро в «Центральный», был организован в соответствии с уже сложившейся до революции традицией и практическим опытом работы в области агитации и пропаганды последних лет. В новом саду построили сцену и концертные площадки для выступления передвижных театров, чтения лекций и проведения дискуссий, а также солярий. Солярий появился в саду не случайно. Его создание обусловлено влиянием концепций оздоровления городской среды, актуальных не только для нашей страны в эти годы, но и для стран Запада в целом. В России 1910 – начала 1920-х гг. была очень популярна градостроительная концепция города-сада, основоположником которой являлся англичанин Э. Гоуард. В это время активно об-

суждались экологические и эстетические проблем российских городов, которые в большинстве своем были плохо благоустроены и лишены зелени. Переустройство российских городов в соответствии с идеями Гоуарда воспринималось как выход из коммунального кризиса. Э. Гоуард и его сторонники хотели видеть города небольшими, зелеными, хорошо приспособленными для рекреационных целей. И хотя сама концепция города-сада к середине 1920-х гг. испытала серьезнейшую критику оппонентов, в журналах «Коммунальное хозяйство» и «Коммунальное дело» этих лет публиковалось множество материалов, которые появлялись под воздействием именно сторонников российского общества городов-садов: об утомлении как следствии городской жизни, о вреде городской пыли для человека, о новых методах озеленения, о возможностях реконструкции старых городских центров исходя из соображений санитарии и гигиены и пр. Таким образом, солярий – открытая площадка, окруженная уютным кольцом зелени, необходимая тем, кто является сторонником новых форм «культурного» и «здорового» отдыха, казался вполне уместным на затоптанных могилах.

В середине 1920-х гг. новониколаевский горсовет признавал, что по сравнению с другими городами Западной Сибири Новосибирск остается самым отсталым в смысле благоустройства [49. Л. 7]. Недостаток зелени, свежего воздуха и пыль стали привычными для его жителей еще в начале XX в. Теперь устройство сада на месте кладбища оправдывалось и необходимостью сохранить зеленый массив, сформировавшийся на кладбище благодаря традиции сажать деревья и кустарники у могил. К концу 1930-х гг. место могильных плит в саду заняли скульптуры идеологического значения: «Сталин», «Теннисистка», статуи других спортсменов, которые расположились вдоль центральной аллеи. Эти образы нового мира должны были служить вытеснению из памяти местных жителей прежних, актуальных для семейной и локальной идентичности образов усопших близких, земляков и их могил.

Из-за малочисленности рабочего класса в Новосибирске 1920-х гг. развлекательная и просветительская деятельность сада не могла быть ориентирована исключительно на рабочих, как того требовала пропаганда. Поэтому изначально в саду устраивались вполне традиционные гуляния по уже сложившемуся дореволюционному трафарету. В середине 1930-х гг., когда Новосибирск стал городом промышленныхстроек, сад переориентировался на организацию досуга для рабочих. В 1930 г. «Советская Сибирь» признала этот сад лучшим, наиболее благоустроенным: здесь имелись недавние древонасаждения, были устроены клумбы, готовились танцевальная площадка и павильон кино, планировалось устроить и электрифицированные карты пятилеток [70]. С 1935 г., в духе времени, сад назывался «Сталинский». Его дальнейшее благоустройство осуществлялось по образцу парка Горького в Москве. Здесь оборудовали летнюю сцену, читальню, открытое кино, фонтан, душ. Рекламные объявления, относящиеся к сентябрю 1938 г.,

приглашали жителей города на ежедневные развлекательные программы в сад, где играли два духовых оркестра, работали аттракционы, бильярды, ресторан, буфет, а танцы под открытым небом продолжались до двух часов ночи [71]. Реклама также сообщала, что 11 и 12 сентября 1938 г. устраивались гуляния с «массой огня в воздухе» (фейерверк) в десять вечера и в час ночи [Там же]. Старожил Новосибирска В.Г. Дугалюков так рассказывал нам о саде предвоенных лет: «Детьми мы ходили в парк Сталина. К тому, что прежде на этом месте располагалось кладбище, относились совершенно нормально, ведь все религиозное было запрещено. Там были карусели, к примеру чертово колесо, был ресторан, там, где сейчас находится сцена, сцена же была на другом месте. В парке проходили танцы, выступали артисты, играл духовой оркестр. Там продавали мороженое, конфеты, газировку с сиропом и разливное пиво. Массовики устраивали развлекательные программы, конкурсы. Я хорошо запомнил драки мешками и бег в мешках».

И.М. Лавров запомнил танцплощадку, духовой оркестр, сияние огней в дощатом ресторане, «который гудит как базар, где звякают вилки, ножи и стаканы». Запомнились писателю и полупустынные боковые аллеи, где «в темноте мелькали какие-то фигуры, изредка вспыхивали спички, краснели глазки папирос, в кустах шептались, тихо смеялись, по дорожкам шаркали ноги, местами из темноты приплывал запах цветов, а над всем этим неслись звуки вальса». Все скамейки парка были заняты парочками. О чем рассказывал Илья Лавров девушке Вере, сидя на такой парковой скамеечке? «Я рассказывал Вере о том, что этот шумный, сияющий сад был когда-то глухим, жутковатым кладбищем..., о том, как срывали могилы, выламывали кресты, оградки, а толпа старух выла, глядя на это» [54. С. 251]. Даже в романтической обстановке пережитые впечатления не давали молодому человеку забыть тот потрясший его день. Конечно, старое кладбище окрасилось под идеологическим давлением для Ильи Михайловича в мрачные тона, но память о нем сохранилась. Он рассказывал Вере об этом дне как о чем-то интимном, лично для него значимом, видимо, внутренний конфликт памяти не был для него разрешен.

Другие юные погромщики также неоднократно возвращались к кладбищенской теме. Ведь, по выражению Т.В. Адорно, «непомерность содеянного заставляет оправдываться» [58. С. 66]. Очевидно и то, что у жителей города оставалось много сомнений в правильности устройства сада «на костях». И.М. Лавров вспоминал, что комсомолка Сашка Сокол, утверждавшая, что «безнадзорные» могилы никому не нужны, спорила с матерью мемуариста о том, нужно ли сносить церкви и разрушать кладбища. Девушка даже сочинила стихи: «*На часовенке нет креста, / Колокол сняли давно, / Часовня косяя пуста, / В выбитых окнах темно. / И где мужиков крестили, / Где в старину венчали, / Там в шапках они курили, / На пыльную паперть плевали. / На кладбище скрыты могилы, / Гулянье в саду до утра...*» [54. С. 153]. И.М. Лавров рассказал в мемуарах и о странной кончи-

не заводили Сашки Сокол. Она стала агрономом, уехала в деревню, «в закрытой церкви ставила с молодежью спектакли и вдруг – умерла, умерла в глухой деревушке, почему не знаю» [54. С. 154]. Неожиданно оборвалась жизнь юной девушки из-за подросткового максимализма и вовлеченности в политические игры с памятью, участвовавшей в уничтожении того, что было для многих свято. И.М. Лавров не связывает открыто раннюю смерть девушки с ее поступками, но в тексте воспоминаний эти сюжеты многозначительно соседствуют.

Видно, что созданием парков «на костях» советская власть бросала максималистский вызов традиции, всему прошлому страны и народа. Действительно, на первый взгляд, парк становился символическим антиподом заброшенного погоста. Кладбищенская религиозная эстетика и реальная бесхозность, установившиеся на погостах, отвращали разработчиков проектов социалистических городов, которые должны были создать на месте этого «позора» пространство, где воплощаются идеалы безупречной санитарии и культурного досуга без участия церкви. Если погост должен был обращать мысли человека в вечность через переживание в памяти прошлого, то парк – к светлому будущему, уже частично наступившему здесь, в рукотворном оазисе советского города. Однако при внешнем различии, на наш взгляд, между парком и кладбищем существует глубинная символическая связь, быть может, слабо осознанная советскими градостроителями. Традиционно кладбище оформляется как цветущий сад, служащий напоминанием о трансцендентном и вечном христианском рае. Советский парк – это тоже, по сути, символ рая, но земного. Пространство сада, как кладбищенского, так и советского, ориентирует человека на совершенствование, которое необходимо для достижения рая, однако в первом случае речь идет о духовном росте, а во втором – о выполнении планов пятилеток. Таким образом, мы видим упрощение христианского культурного символа сада и его использование в идеологических целях.

Значительная часть территории Старого кладбища, отделенная от формировавшегося сада улицей Фрунзе, была передана в 1925 г. под строительство стадиона «Спартак», который открылся уже в 1927 г. И это тоже не случайно, поскольку советская власть изначально видела в развитии массового спорта возможность укрепить моральные устои и консолидировать общество [68. С. 51]. «Советская Сибирь» с гордостью освещала новости создания стадиона. В начале августа 1927 г. его строительство считалось практически законченным. Газета приводила снимок, на котором видны деревянные трибуны и обнесенное частоколом футбольное поле [72]. Однако содержание и дальнейшее строительство спортивного комплекса требовали значительных средств, которых не хватало в 1920-х гг. Однако внимание власти к массовому спорту постоянно возрастало, в хорошей физической подготовке власть видела аспект советской культуры, а в спортивных мероприятиях – средство формирования ценностей коллективизма. Именно поэтому спортивный стадион в сибирской столице

имел далеко идущие перспективы развития. В 1935 г. городской стадион передали обществу «Спартак». В связи с этим была выделена значительная денежная сумма – 230 тыс. руб. на оборудование теннисного корта, катка и восстановление беговой дорожки [73].

Итак, по установленным нами данным, в Новониколаевске – Новосибирске межвоенных лет функционировало четыре основных кладбища, открытых еще до революции и имевших собственную социокультурную специфику: Воскресенское, Новое, Закаменское и Магометанское. В значительной степени старые кладбища сохраняли внешний облик, однако советская власть стремилась изменить традицию, избавиться от религиозных погребений и деления кладбищ на участки по конфессиональному признаку, привести новую мемориальную эстетику. Показательно, что Воскресенское кладбище, являвшееся для жителей молодого города Новониколаевска одним из немногих и наиболее значимых памятных мест, было тенденциозно уничтожено по воле городских органов власти.

Наше исследование позволяет увидеть в судьбе исторического некрополя Новосибирска как общие для западносибирских городов тенденции, так и специфику, обусловленную его возрастом и статусом этого города как региональной столицы. Новониколаевск, в отличие от Томска, Омска и Барнаула, еще не имел длительной истории, здесь не успел сложиться «многослойный» ландшафт коллективной памяти. Однако по количеству захоронений и их разнообразию городской некрополь Новониколаевска уже в начале 1920-х гг. был по-своему уникален, интересен, и, что особенно важно, ценен для местного населения, уже считавшего Новониколаевск если не Родиной, то «своим» городом. Воздействие политики памяти на Новониколаевск было отчетливее заметно, нежели на другие города. Именно Воскресенское кладбище Новониколаевска уничтожили раньше других старых погостов в городах – административных центрах Западной Сибири.

Источники сохранили ценные сведения о привлечении к разрушению новониколаевского некрополя молодежи в расчете на эффект их «правильной» политической социализации. Семейная память молодого поколения была покалечена и сокращена предшествовавшими годами Гражданской войны, разрывающей связи между поколениями, идеологической и антирелигиозной пропагандой. Замечено, что память группы существует, пока существует группа. Для уничтожителей кладбища принадлежность к семейным группам стала второстепенной, значимее сделалась принадлежность к комсомолу. После смерти В.И. Ленина началось постепенное насаждение культа личности И.В. Сталина, имя которого было дано бывшему Кладбищенскому саду. Образ вождя должен был вытеснить из памяти молодого поколения память о «старорежимных» предках, покоившихся на «почетном» Воскресенском погосте. В 1930-х гг. власть, основательно разрушив исторический некрополь Новониколаевска, ассоциировавшийся с памятью о «классовых врагах», сконцентрировала уси-

лия на формировании собственного «советского» некрополя, состоявшего далеко не только из братских могил героев и жертв Гражданской войны, которые требуют отдельного изучения. Облик действовавших городских кладбищ менялся с появлением многочисленных могил новосибирских коммунистов, чекистов, стахановцев, артистов и руководителей предприятий. Внедрялась новая культура прощания и поминовения, которая, однако, не

была способна полностью заглушить дореволюционные традиции. Местным властям было не под силу справиться со стихийными тенденциями развития некрополя крупного города, не уделялось особого внимания и приведению его в порядок, ведь идеология предписывала идти вперед, не оглядываясь на прошлое, где можно было увидеть слишком много противоречий официальной версии канувших в лету событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шокарев С.Ю.* Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV–XVII вв.) // Культура памяти. М., 2003. С. 141–187.
2. *Новосибирский некрополь.* Новосибирск, 2009. 224 с.
3. *Косякова [Красильникова] Е.И.* Забытая божья нива: из истории старинных новосибирских кладбищ и похорон // Сибирский исторический журнал. 2008/2009. С. 101–110.
4. *Корсакова М.И.* Погосты, кладбища, братские могилы... // История города: Новониколаевск – Новосибирск. Новосибирск, 2005. Т. 2. С. 349–363.
5. *Добрынин М.Н.* Кладбища Новосибирска (Новониколаевска) // Материалы новосибирской генеалогической конференции, проведенной Новосибирским историко-родословным обществом совместно с Домом народного творчества Новосибирской области. Новосибирск, 2003. С. 6–9.
6. *Российский государственный исторический архив (РГИА).* Ф. 468. Оп. 23. Д. 1082.
7. *Шабунин Е.А.* Храмы Новосибирска: исторический путеводитель. Новосибирск, 2002. 80 с.
8. *Почетное кладбище* // Обская жизнь. 1912. 20 апр.
9. *[Хроника]* // Сибирская новь. 1913. 4 авг.
10. *Государственный архив Новосибирской области (ГАО).* Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2718.
11. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2722.
12. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2715.
13. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2773.
14. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2720.
15. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2719.
16. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2725.
17. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2723.
18. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2731.
19. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2733.
20. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2729.
21. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2728.
22. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2741.
23. *Красильникова Е.И.* Жизнь в городе-акселерате: обеспечение потребностей новосибирцев в межвоенное время (конец 1919 – первая половина 1941 г.). Новосибирск, 2008. 256 с.
24. *В.С. Молоков* – герой Советского Союза // Советская Сибирь. 1935. 28 февр.
25. *Новосибирский городской архив (НГА).* Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 106.
26. ГАО. Ф. Р-1124. Оп. 4. Д. 8.
27. НГА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 177.
28. *[Объявление]* // Новосибирск: справочник по городу и району. Новосибирск, 1935. 491 с.
29. *Акимов П.А.* Русское надгробие XVIII – первой половины XIX в.: идея жизни и смерти в пластическом воплощении и эпитафии : автореф. ... дис. канд. искусствоведения. М., 2008. 29 с.
30. *Красильникова Е.И.* Старинные городские кладбища и похороны в отражении устных воспоминаний (на примере Новосибирска предвоенных лет) // Воспоминания и дневники как историко-психологический источник. СПб., 2011. С. 128–132.
31. *Мешала жить* // Советская Сибирь. 1926. 8 янв.
32. *Хулиганы с татарского кладбища* // Советская Сибирь. 1925. 14 сент.
33. ГАО. Ф. Р-2189. Оп. 1. Д. 520.
34. ГАО. Ф. Р-2189. Оп. 1. Д. 700.
35. ГАО. Ф. Р-2189. Оп. 1. Д. 92.
36. ГАО. Ф. Р-2189. Оп. 1. Д. 379.
37. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1925. 6 февр.
38. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1925. 22 апр.
39. ГАО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 652.
40. *Васильченко Денис Петрович* [некролог] // Советская Сибирь. 1935. 28 сент.
41. *Озурцова Александра Дмитриевна* // Советская Сибирь. 1935. 9 апр.
42. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1935.
43. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1935. 10 мая.
44. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1935. 11 июня.
45. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1936. 6 янв.
46. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1938. 2 сент.
47. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1941. 3 июня.
48. *История Центрального парка.* URL: <http://www.parknsk.ru/about.php>
49. НГА. Ф. -33. Оп. 1. Д. 106.
50. *Булгакова З.Ф.* Судьбе говорю спасибо // Мой Новосибирск. Книга воспоминаний. Новосибирск, 1999. С. 50–63.
51. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1941. 3 июня.
52. *Закон Божий для семьи и школы* / сост. протоиерей С. Слободский [Б. м.], 2002. 722 с.
53. *Иов (Гумеров), иером., Гумеров П., свящ.* Вечная память: православный обряд погребения и поминовения усопших. М., 2011. 160 с.

54. *Лавров И.М.* Мои бессонные ночи. Новосибирск, 1977. 688 с.
55. *Тростонецкий А.С.* Нахаловка // Мой Новосибирск. Книга воспоминаний. Новосибирск, 1999. С. 34–41.
56. *Вокруг* Вокзальной церкви // Советская Сибирь. 1926. 19 сент.
57. *Красильникова Е.И.* Исторический некрополь Барнаула: преемственность традиций и политика памяти советской власти (конец 1919 – начало 1941 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. С. 109–112.
58. *Адорно Т.В.* Что такое «проработка прошлого» // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 64–82.
59. ГАНО. Ф. Р-2189. Оп. 1. Д. 89.
60. ГАНО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 1 б.
61. *Попов Н.* (Сибиряк). Наш ответ академику Щусеву // Коммунальное хозяйство. 1925. № 23. С. 46–47.
62. *Давитадзе М.П.* Уголовное право на защите нравственных ценностей общества // Нравственность для XXI века. М., 2008. С. 82–96.
63. *Томское* купечество. Краеведческий дайджест. Томск, 2004. 46 с.
63. *Адрианов А.В.* Прошлое Томска // Город Томск. Томск, 1912. С. 1–183.
64. ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 14.
65. *Омский* некрополь. Исчезнувшие кладбища. Омск, 2005. 232 с.
66. *Несколько* слов о современном состоянии городских кладбищ в Тобольской губернии // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. 1 мая.
67. *Кухер К.* Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. М., 2012. 350 с.
68. *Уварова Е.Д.* Как развлекались в российских столицах. СПб., 2004. 280 с.
69. *Организуем* в садах культурный отдых // Советская Сибирь. 1930. 15 мая.
70. *[Реклама]* // Советская Сибирь. 1938. 4 сент.
71. *[Реклама]* // Советская Сибирь. 1938. 11 сент.
72. *Наш* стадион // Советская Сибирь. 1927. 4 авг.
73. *Городской* стадион передан обществу «Спартак» // Советская Сибирь. 1935. 4 дек.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 октября 2013 г.

HISTORICAL NECROPOLIS OF NOVOSIBIRSK: THE CONTINUITY OF TRADITIONS AND THE MEMORY POLICY OF THE SOVIET POWER (THE END OF 1919 – BEGINNING OF 1941)

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 80-91. DOI: 10.17223/15617793/380/12

Krasilnikova Ekaterina I. Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: katrina97@yandex.ru

Keywords: necropolis; cemetery; collective memory; memory policy.

This article is devoted to the history of the old Novosibirsk cemeteries (the Voskresenskoe, the Uspenskoe, the Magometanskoe, the Zakamenskoe) in the period between the Civil War and the Great Patriotic War. All of these cemeteries no longer exist on the map of the city. The author clarifies the time of their opening, their location, describes the social composition of the people, who were buried in these places, and the appearance of the cemeteries. Attention is paid to their territorial organization and forms of tombstones. The paper called graves of interesting and outstanding people that are most significant for the history of Novosibirsk. Some of these graves appeared in the Novonikolaevsk (Novosibirsk) cemeteries in the pre-revolutionary period (merchants, honorable citizens, nobles, clergy, displaced peasants graves), other graves (warriors of The Red Army, party workers, government officials) – in Soviet times. The author describes the characteristics of the Soviet heroic necropolis formation in the 1920-30s. She also particularly marks the graves of the intelligentsia: doctors, teachers, artists. The author answers the question whether the pre-revolutionary tradition of cemetery management was preserved in the 1920-1930s, and characterizes the Soviet innovations in this area. She also explains the attitude of the local organs of the Soviet power of the 1920-1930s to the historical necropolis of the city. Particular attention is paid to the destruction of the “honorary” pre-revolutionary cemetery – the Voskresenskoe and significance of the event from the viewpoint of the state ideology. The author also describes the residents’ perception of the old cemetery destruction, the desire of older people to prevent vandalism. The article also tells about an urban garden and a sports stadium creation in the place of the old cemetery. The author explains the ideological significance of the cemetery transformation in the garden and playground. The article also identifies the specific historical destiny of Novosibirsk necropolis in the interwar period, in comparison with other cities of Western Siberia. The author believes that the impact of government memory policies on Novonikolaevsk was more evident than in the other cities of the region. That is why the Voskresenskoe cemetery was destroyed first in Western Siberia.

REFERENCES

1. Shokarev S.Yu. Russkiy srednevekovyy nekropol': obryady, predstavleniya, povsednevnost' (na materialakh Moskvy XIV–XVII vv.). Kul'tura pamyati. M., 2003. P. 141-187.
2. Novosibirskiy nekropol'. Novosibirsk, 2009. 224 s.
3. Kosyakova [Krasil'nikova] E.I. Zabytaya bozh'ya niva: iz istorii starinnykh novosibirskikh kladbishch i pokhoron. *Sibirskiy istoricheskiy zhurnal.* 2008/2009. P. 101-110.
4. Korsakova M.I. Pogosty, kladbishcha, bratskie mogily... Istoriya goroda: Novonikolaevsk – Novosibirsk. Novosibirsk, 2005. V. 2. P. 349-363.
5. Dobrynin M.N. Kladbishcha Novosibirska (Novonikolaevska). *Materialy novosibirskoy geneologicheskoy konferentsii, provedennoy Novosibirskim istoriko-rodoslovnym obshchestvom sovместно s Домом народного творчества Novosibirskoy oblasti.* Novosibirsk, 2003. P. 6-9.
6. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F. 468. Op. 23. D. 1082.
7. Shabunin E.A. Khramy Novosibirska: istoricheskiy putevoditel'. Novosibirsk, 2002. 80 p.
8. Pochetnoe kladbishche. *Obskaya zhizn'.* 1912. 20 apr.
9. [Khronika]. *Sibirskaya nov'.* 1913. 4 avg.
10. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO). F. D-156. Op. 1. D. 2718.
11. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2722.
12. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2715.
13. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2773.
14. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2720.

15. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2719.
16. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2725.
17. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2723.
18. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2731.
19. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2733.
20. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2729.
21. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2728.
22. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2741.
23. Krasil'nikova E.I. Zhizn' v gorode-akselerate: obespechenie potrebnostey novosibirtsev v mezhoennoe vremya (konets 1919 – pervaya polovina 1941 g.). Novosibirsk, 2008. 256 p.
24. V.S. Molokov – geroy Sovetskogo Soyuza. *Sovetskaya Sibir'*. 1935. 28 fevr.
25. Novosibirskiy gorodskoy arkhiv (NGA). F. R-33. Op. 1. D. 106.
26. GANO. F. R-1124. Op. 4. D. 8.
27. NGA. F. R-33. Op. 1. D. 177.
28. [Obvyavlenie]. *Novosibirsk: spravochnik po gorodu i rayonu*. Novosibirsk, 1935. 491 p.
29. Akimov P.A. Russkoe nadgrobie XVIII – pervoy poloviny XIX v.: ideya zhizni i smerti v plasticheskom voploshchenii i epitafii : avtoref. ... dis. kand. iskusstvovedeniya. M., 2008. 29 p.
30. Krasil'nikova E.I. Starinnye gorodskie kladbishcha i pokhorony v otrazhenii ustnykh vospominaniy (na primere Novosibirska predvoennykh let). *Vospominaniya i dnevniki kak istoriko-psikhologicheskii istochnik*. SPb., 2011. P. 128–132.
31. Meshala zhit'. *Sovetskaya Sibir'*. 1926. 8 yanv.
32. Khuligany s tatarskogo kladbishcha. *Sovetskaya Sibir'*. 1925. 14 sent.
33. GANO. F. R-2189. Op. 1. D. 520.
34. GANO. F. R-2189. Op. 1. D. 700.
35. GANO. F. R-2189. Op. 1. D. 92.
36. GANO. F. R-2189. Op. 1. D. 379.
37. [Obvyavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1925. 6 fevr.
38. [Obvyavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1925. 22 apr.
39. GANO. F. P-5. Op. 2. D. 652.
40. Vasil'chenko Denis Petrovich [nekrolog]. *Sovetskaya Sibir'*. 1935. 28 sent.
41. Ogurtsova Aleksandra Dmitrievna. *Sovetskaya Sibir'*. 1935. 9 apr.
42. [Obvyavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1935.
43. [Obvyavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1935. 10 maya.
44. [Obvyavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1935. 11 iyunya.
45. [Obvyavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1936. 6 yanv.
46. [Obvyavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1938. 2 sent.
47. [Obvyavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1941. 3 iyunya.
48. Istoriya Tsentral'nogo parka. URL: <http://www.parknsk.ru/about.php>
49. NGA. F.-33. Op. 1. D. 106.
50. Bulgakova Z.F. Sud'be govoryu spasibo // Moy Novosibirsk. Kniga vospominaniy. Novosibirsk, 1999. P. 50-63.
51. [Obvyavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1941. 3 iyunya.
52. Zakon Bozhii dlya sem'i i shkoly. Sost. protoierey S. Slobodskiy [B. m.], 2002. 722 p.
53. Iov (Gumerov), ierom., Gumerov P., svyashch. Vechnaya pamyat': pravoslavnyy obryad pogrebeniya i pominoveniya usopshikh. M., 2011. 160 p.
54. Lavrov I.M. Moi bessonnye nochi. Novosibirsk, 1977. 688 p.
55. Trostonetskiy A.S. Nakhilovka. Moy Novosibirsk. Kniga vospominaniy. Novosibirsk, 1999. P. 34-41.
56. Vokrug Vokzal'noy tserkvi. *Sovetskaya Sibir'*. 1926. 19 sent.
57. Krasil'nikova E.I. Istoricheskiy nekropol' Barnaula: preemstvennost' traditsiy i politika pamyati sovetskoy vlasti (konets 1919 – nachalo 1941 g.). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2013. P. 109-112.
58. Adorno T.V. Chto takoe "prorabotka proshlogo". Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa. M., 2005. P. 64-82.
59. GANO. F. R-2189. Op. 1. D. 89.
60. GANO. F. R-1813. Op. 1. D. 1 b.
61. Popov N. (Sibiryak). Nash otvet akademiku Shchusevu. *Kommunal'noe khozyaystvo*. 1925. No. 23. P. 46-47.
62. Davitadze M.P. Ugolovnoe pravo na zashchite npravstvennykh tsennostey obshchestva. *Npravstvennost' dlya KhKhI veka*. M., 2008. P. 82-96.
63. Tomskoe kupechestvo. Kraevedcheskiy daydzhest. Tomsk, 2004. 46 p.
64. Adrianov A.V. Proshloe Tomska. Gorod Tomsk. Tomsk, 1912. P. 1-183.
64. GANO. F. R-217. Op. 1. D. 14.
65. Omskiy nekropol'. *Ischезnuvshie kladbishcha*. Omsk, 2005. 232 p.
66. Neskol'ko slov o sovremennom sostoyanii gorodskikh kladbishch v Tobol'skoy gubernii. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1882. 1 maya.
67. Kukher K. Park Gor'kogo. Kul'tura dosuga v stalinskuyu epokhu. M., 2012. 350 p.
68. Uvarova E.D. Kak razvlekalis' v rossiyskikh stolitsakh. SPb., 2004. 280 p.
69. Organizuem v sadakh kul'turnyy otdykh. *Sovetskaya Sibir'*. 1930. 15 maya.
70. [Reklama]. *Sovetskaya Sibir'*. 1938. 4 sent.
71. [Reklama]. *Sovetskaya Sibir'*. 1938. 11 sent.
72. Nash stadion. *Sovetskaya Sibir'*. 1927. 4 avg.
73. Gorodskoy stadion peredan obshchestvu «Spartak». *Sovetskaya Sibir'*. 1935. 4 dek.